

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

ИСТИННЫЙ гуманист, патриот

Личность любого индивидуума формируется в процессе воспитания и обучения в конкретной исторической среде, а значит, является объектом исторического процесса, подвергаясь влиянию различных общественных факторов: образовательных, экономических, политических, духовных и др. В этом раскрывается общественная сущность человека. С другой стороны, каждая личность обладает индивидуальностью, зависящей от врождённых особенностей нервной системы и психики. Таким образом, стержнем становления личности служат генетические и социологические факторы. А появление неординарных, ярких личностей – это уже сугубо индивидуальное везение, божий промысел.

Биологический фактор напрямую связан с наследственностью. Биогенетика давно установила, что в каждом человеке от природы заложена предрасположенность к определённому виду занятий, к конкретному комплексу мотиваций и, несомненно, предначертаны стадии психического становления и очерёдность их возникновения. Также в формировании личности играет немаловажную роль социологический фактор как результат прямых влияний окружающей общественной среды. Для того, чтобы выяснить ценность того или иного человека, необходимо разобраться в том, чего он достиг как член общества за отпущенное ему на этом свете время.

Основываясь на выдающихся творческих успехах, достигнутых за семьдесят лет жизни азербайджанского прозаика, учёного и педагога незабвенного Мир Джалала, можно с уверенностью

Мир Джалал Пашаев с супругой Пюста-ханум и детьми

причислить его к числу ярких незаурядных личностей Азербайджана XX столетия.

Азербайджанский прозаик, литературовед, педагог, автор лаконичных, юмористических и социально ориентированных, реалистично романтических романов **Мир Джалал Али оглу Пашаев родился 26 апреля 1908 года в Южном Азербайджане в Ардебиле в крестьянской семье.** Семья переехала в город Гянджу, когда он был ещё ребёнком. В десятилетнем возрасте потерял отца, и опекуном его стал старший брат. Материальное положение семьи было тяжёлым. В 1918–1919 годы при материальной поддержке благотворительного общества получил начальное образование. **В 1923–1928 годы учился в Гянджинском педагогическом техникуме,** затем два года в Гяндже и Кедабеке заведовал семилетними школами. **В 1930–1931 годы проучился на филологическом факультете Татарского педагогического института в Казани.** После возвращения в Баку в 1932–1935 годы продолжил учёбу в аспирантуре Азербайджанского государственного научно-исследовательского института.

Мир Джалал в совершенстве владел русским и персидским языками, достаточно хорошо знал арабский. Учитывая его хорошее знание восточных языков, **великий драматург и поэт Гусейн Джавид** (1882–1941) настоятельно рекомендовал ему заняться исследованием поэтических особенностей творческого наследия гениального азербайджанского лирика **Мухаммеда Физули** (1494–1556). В 1940 году молодой учёный блестяще защитил кандидатскую диссертацию на тему «Особенности поэзии Физули», которая в 1958 году была издана отдельной монографией под заглавием «Мастерство Физули» объемом 276 страниц. В 1947 году за исследование **«Литературные школы в азербайджанской литературе XX века»** Мир Джалалу Пашаеву была присвоена степень доктора филологических наук.

Мир Джалал с молодости любил преподавательскую работу. По свидетельству его многочисленных благодарных учеников и студентов, ныне известных, он был прирождённым наставником, по-отечески относился к своим воспитанникам. О нём до сих пор ходят легенды, создающие образ неординарного, искреннего человека,

Сидят (слева направо): Микайыл Рафили, Сабит Рахман, Самед Вургун, Мир Джалал Пашаев, Сулейман Рагимов. Стоят (слева направо): Авес Садыг, Джафар Джафаров, Идаят Эфендиев, Али Велиев, Мамед Рагим, Мехти Гусейн, Абдулла Шаик. 1945 г.

подлинного педагога.

С 1933 года Мир Джалал Пашаев непрерывно работал в Азербайджанском (ныне Бакинский) государственном университете на кафедре истории азербайджанской литературы – преподавателем, доцентом, профессором (1948), а с 1961 года и до конца жизни – заведующим. В 1934 году был принят в члены Союза писателей СССР, хотя серьёзным литературным творчеством стал заниматься с 1928 года. **Первая его книга – сборник рассказов и очерков «На верном пути» вышла в свет в 1932 году** в бакинском издательстве «Азернешр». В 1935 году там же были изданы ещё две книги: сборник юмористических новелл и очерков «Рост» и **первый роман - «Воскрешший человек», который вскоре был переведён на русский язык** и в 1938 году издан отдельной книгой в Тбилиси. **Ранние произведения Мир Джалала в основном посвящены теме гражданской войны в Азербайджане, борьбе с пережитками прошлого, фанатизмом и невежеством.** Тем не менее, эти произведения отличались теплотой, искренностью и простотой,

написаны ясным, доходчивым народным языком.

Надо особо подчеркнуть, что Мир Джалал в течение полувекового творческого пути трудился весьма плодотворно и как писатель, и как учёный. **При жизни было издано более 60 его книг.** Неполный перечень художественных книг и научных трудов, выпущенных один за другим, – наглядное подтверждение сказанному: сборники «Огородный воришка» («Азернешр», 1937), «Аппетит ахунда» («Азернешр», 1938), «Поздравление» («Азернешр», 1939), «Родина» («Азернешр», 1944), «Жизненные истории» («Детгиз», 1945), «Простые рассказы», («Азернешр», 1955), «Философия человечности» («Азернешр», 1961), «Рассказы и воспоминания» («Детгиз», 1962), «Цветочница» («Азернешр», 1965), «Горы заговорили» («Гянджлик», 1978); романы «Манифест молодого человека» («Детгиз», 1940), «Сверстники» («Детгиз», 1948), «Новый город» («Азернешр», 1951), «Куда ведут дороги» («Детгиз», 1957) и др.

Список основных исследовательских трудов по азербайджанской литературе знатного учёного, заслуженного деятеля науки Азербайджан-

Мир Джалал (в середине) с учителями и студентами Гянджинской школы учителей (Даруль-муаллимин), 1928 г.

ской ССР (1969), литературного критика Мир Джалала также довольно внушитель: «Особенности поэзии Физули» (Баку, изд-во Азербайджанского филиала АН СССР, 1940); «Мастерство Физули» (Баку, изд-во АГУ, 1958); «О реализме Джагила Мамедгулузаде» (учебное пособие для студентов филологического факультета; Баку, изд-во АГУ, 1966); «Смех как художественное оружие» (учебное пособие; Баку, изд-во АГУ, 1968); «Азербайджанская литература XX века» (учебник для вузов; Баку, «Маариф», 1969, соавтор Ф.Дж. Гусейнов); «Основы литературоведения» (учебник для вузов; Баку, «Маариф», 1972, соавтор П.И. Халилов); «Классики и современники» (сборник литературоведческих статей; Баку, «Азернешр», 1973) и др.

Мир Джалал – автор множества ценных **прозаических произведе-**

ний для юных читателей. «Ильяс», «Исрафил», «Шербет» (1942), «Первое удостоверение» (1949), «Тень ивы» (1951), «Сон и ветер» (1952) и другие книжки по сей день остаются яркими образцами детской литературы. **Народные сказки и**

Мир Джалал и Мамед Джафар среди студентов

Мир Джалал Пашаев с супругой Пюста-ханум и журналистом Шамилем Шахмамедовым. Иреван, 1953 г.

некоторые поэтические произведения великих классиков в филигранной художественной обработке знаменитого прозаика, знатока национального фольклора и классической поэзии Мир Джалала приобрели новое дыхание, заиграли многогранной палитрой. **Он – один из видных мастеров миниатюрных рассказов, публицистических очерков и юмористических новелл в азербайджанской прозе советского периода.** Его проза отличается высоким накалом гуманизма и искренностью патриотизма. Ибо сам автор как личность был убежденным гуманистом и патриотом.

Чистота языка и чёткость изложения, высокое мастерство композиционного построения, лаконичность сюжетной линии, умеренное и уместное использование художественных средств, частое неожиданное разрешение коллизий, неукоснительное соблюдение жизненной реальности, психологически правдивое описание каждого образа, верный авторский историко-социальный ориентир – вот главные особенности, изюминки мастерства Мир Джалала как прозаика. Поэтому вся его проза читается с интересом, на одном дыхании.

Бесспорно, писатель создавал свои прозаические произведения в духе социалистического реализма. Он **в своих произведениях отражал социальную борьбу азербайджанского**

крестьянства и в целом панораму азербайджанской национальной жизни первой половины XX столетия. Одна из главных характерных черт творчества писателя – художественная масштабность и социальный охват описания жизни народа. В его прозе ощутимо стремление к психологическому наполнению образа. Большинство его героев – выходцы из простого народа, это социально активные граждане нового социалистического времени. Мир Джалал глубоко верил в коммунистическую идеологию и с большой реалистичностью, убедительностью описывал в своих произведениях стремление героев к светлому будущему, их борьбу за торжество новой жизни.

Писатели того времени в большинстве своем поверили в справедливость коммунистической идеологии и в меру своего таланта служили новому строю. Но время не оправдало их надежды, это не беда этих

писателей, а трагедия самого Времени, кульбиты истории! Несмотря ни на

что, высокий уровень мастерства, индивидуальный писательский почерк, как

первоисточник историософской художественной информации эпохи

советского периода, творчество поколения писателей тех времён всегда

сохраняет свою ценность. Оценивая художественные произведения данного

периода, современное литературоведение должно себя вести крайне бережно и трепетно. Иначе, можно по глупости перечеркнуть достигнутые творческие успехи наших отцов и дедов за семидесятилетний период времени...

В расцвете творческих сил 28 сентября 1978 года замечательный писатель, гуманист, ярый патриот, фундаментальный учёный, педагог Мир Джалал Али оглу Пашаев в семидесятилетнем возрасте ушёл из жизни и был предан земле в Баку на 2-й Аллее почётного захоронения.

Начиная с ранних очерков и до последних романов, все **художественные произведения Мир Джалала написаны на чистейшем образно-глубинном, фольклорно-обширном азербайджанском языке**. Так же и его научные труды – критические и литературоведческие статьи, теоретические монографии и учебники отличаются чётким, ясным, доходчивым слогом. В его произведениях ярко проявляется богатство, красота азербайджанско-тюркского языка, и эта особенность ещё долго будет служить ярким образцом для изучения многими поколениями азербайджанских писателей, учёных-литературоведов. 🌟

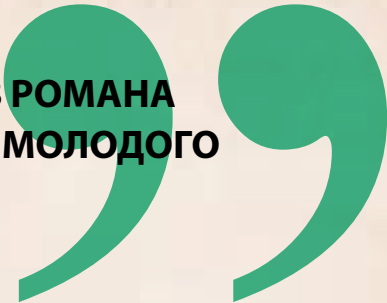
Литература

1. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.
2. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə.Mirəhmədov, B.Vahabzadə, F.Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
3. Azərbaycan Sovet ədəbiyyatı tarixi. İki cildə. I, II c. Baş redaktor akad. M.Arif. Bakı, "Elm", 1967. 638 s.; 502 s.
4. Mir Cəlal, P. Xəlilov. Ədəbiyyatşünaslığın əsasları. Ali məktəblər üçün dərslik. Bakı, "Maarif", 1972. 280 s.
5. Mir Cəlal. Klassiklər və müasirlər. Bakı, "Azərnəşr", 1973. 296 s.
6. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
7. Mir Cəlal. Füzuli sənətkarlığı. Bakı, "Maarif", 1994. 252 s.

8. Т.Ə. Əhmədov. XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. Səh. 221. 984 s.
9. Конфуций. Урок мудрости. Сочинения. Антология мысли. Москва, «Эксмо»; Харьков «Фолио», 2005. 958 с.
10. Mir Cəlal. Biblioqrafiya. Tərtibçi-müəllif N.P.Nağıyeva. Bakı "Adiloğlu", 2006. 260 s.
11. Мир Джалал. Манифест молодого человека. Редактор и составитель: Ариф Ибрагимов. Автор предисловия Римма Казакова. Москва, «Глобус», 2006. 448 с.
12. Мир Джалал. Куда ведут дороги. Роман, рассказы, лирические миниатюры. Составитель и автор предисловия профессор Агиль Гаджиев. Баку, «Чашыоглу», 2007. 400 с.
13. Bədirxan Əhmədov. XX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. İcmallar, təhlillər, portretlər. Dərslik. II cild. Bakı, "Apostrof", 2010. 436 s.
14. А.М. Багиров. Мир Джалал. Б.РЭ. Том 20. Стр. 424. Москва, Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», 2012

The article briefly talks about Mir Jalal Pashayev, a prominent Azerbaijani writer, literary critic and teacher of the 20th century.

ОТРЫВОК ИЗ РОМАНА «МАНИФЕСТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА»

**Глава восьмая
ОТВЕТ СОНЫ**

Собаке брошу, но чужому не отдам
Азербайджанская пословица

Раннее осеннее утро. Пожалуй, даже не утро, потому что было ещё совсем темно, но тот час, когда трудно определить, какой выдастся день – солнечный или пасмурный, дождливый.

Казалось, всё живое застыло в трепетном ожидании того мгновения, когда улыбающееся солнце совлечёт с целомудренного лица земли покрывало ночи, когда откроется всё скрытое и предметы обретут краски.

Извилистая грязная дорога кишит людьми. Чем ближе к городу, тем она становится шире; в медленно тающем мраке люди начинают узнавать друг друга.

Все они держат путь в город. Один гонит корову, другой овец, третий везёт на ослике кувшин с бекмезом – фруктово-ягодным соком. Плетётся бедняк с тяжёлой вязанкой дров на спине. Молодая женщина несёт яйца, переложённые соломой. Корзинка у неё без ручки, и женщина прижимает её к груди, словно дитя. Долго собирала она эти яйца, чтобы выручить хоть немного денег. Широкоплечий чернобородый мужчина несёт под мышкой большого петуха, а в руке – мешочек сушёного кизила; у него развязался шнурок на чарухе, и он отходит в сторону, чтобы завязать его. Никто не обращает на него внимания, все спешат, все хотят поспеть к воскресному базару.

Лица крестьян мрачны, как и это осеннее утро. Где солнце, которое разгладит их морщины, сотрёт следы горя и лишений? Глядя на них, можно подумать, что их насильно стащили с тёплых постелей. Неведомая сила гнала их на базар, навстречу алчным торговцам с набитыми карманами. У одних на лице написано недовольство, у других глаза горят гневом и негодованием; казалось, эти глаза ищут ту незримую силу, которая обрекла народ на нищету и страдания.

Путники скоро достигнут базара, распродав за бесценок своё добро, они купят у спекулян-

тов лишь самое необходимое: немного пшена, стекло для семилинейной лампы, колёсную мазь, обрезки кожи, варташенской махорки, несколько аршинов бязи, стакан, замок на дверь, сахарину, расчёску, капли от желудочной боли...

По этой дороге плетётся и Сона. Это первое её путешествие на базар. Она несёт всё свое богатство – ковёр с изображением Юсифа и Зулейхи. Больше двух десятков лет берегла она этот ковёр. Каждый раз, совершая большую уборку сакли, она доставала его, разворачивала и, досыта налюбовавшись на своих героев, снова прятала его.

У неё была заветная мечта: в день свадьбы сына Мардана своими руками убрать саклю и повестить на передней стене ковёр – подарок новобрачным. Ковёр был этот символом горячей любви, предание о которой существовало века, символом материнской нежности и труда, материнского благословения любимому сыну.

Настали тяжёлые дни. Мир пришёл в смятение. Дети Соны осиротели. Нужда изменила и лицо, и голос, и движения Соны. Не могла она убить лишь мечту. Эта мечта давала ей силу высоко держать голову, неразрывными узами связывала её с жизнью, поддерживала в ней ощущение независимости. Над мечтой её проносились ураганы и метели, вражеские руки тянулись к ней, чтобы смять и уничтожить её. Порой Соне казалось, что вот-вот рассеется её мечта и вместе с нею кончится её жизнь, погаснет для неё свет, и тогда сердце её трепетно сжималось от боли. Но мечта продолжала жить в её груди.

Истомлённая горем и нуждой, Сона то и дело присаживалась на мокрые от росы камни у края дороги и печальным взглядом провожала двигавшихся мимо людей. Казалось, присела она не ради отдыха, а для того, чтобы поведать всем грустную повесть о разбитых надеждах, об обманутых мечтах...

Узнав об аресте сына, Сона рыдала, в отчаянии взмахивая руками, била себя по коленям. Наплакавшись, она пошла за советом к старику Мовламу, который и предложил ей продать ковёр, единственную в доме вещь, которая могла пойти за хорошую цену.

И вот Сона понесла своих любимых Юсифа и Зулейху на базар.

Продав ковёр, она собиралась вернуться в село, купить у кого-нибудь из богачеев пуда два муки, испечь хлеба и отправиться с остатком денег в город, чтобы любыми путями добиться осво-

бождения Мардана и возвращения его в родной дом, надо было также разыскать неожиданно вылетевшего из гнезда Бахара, а для этого нанять глашатаев, чтобы они выкликали по всем улицам и площадям имя исчезнувшего мальчика.

Базар, обнесённый со всех сторон ветхой, полуразрушенной стеной, кишел, как муравейник. Кого только здесь не было! В одну плотную массу смешались и продавцы, и покупатели, и нищие. Ржание лошадей, блеяние овец, голоса маклеров, звон денег сливались с пением дервишей, с жалобными призывами попрошаек.

Сона с любопытством разглядывала светловолосого человека в короткой до колен, клетчатой юбке, с обнажёнными коленями. Люди указывали на него друг другу и шептали:

– Англичанин!

А англичанин чувствовал себя здесь в своей стихии. Он шагал крупными шагами, гордо вздернув голову, ко всему приглядываясь, всё щупал руками, никого ни о чём не спрашивая. Люди провозжали его полными ненависти глазами, словно хотели сказать: «Будьте прокляты те, кто впустил к нам этого зверя!»

Возле него вертелся, поминутно кланяясь, какой-то купец в долгополом платье. Сона вспомнила мистера, который отнял у её Бахара джейрана, и тяжело вздохнула. Отыскав свободный угол, она расстелила свой ковёр и стала ждать покупателей, стыдливо прикрыв нижнюю часть лица кончиком головного платка.

С тоскою она смотрела вокруг. Глубоко ввалившиеся глаза придавали её лицу угрюмое, недоброе выражение. Но прохожие смотрели не на неё, а на ковёр. Ковёр же, казалось, освещал своей красотой всё вокруг.

Люди подходили, с наслаждением подолгу любовались изумительной расцветкой и мастерством изображения. Одни спрашивали о цене, другие интересовались происхождением ковра, третьи заводили разговор о том, откуда сама хозяйка ковра и зачем она его продаёт.

Сона отвечала коротко и резко:

– Да, вот смотрите! Проклятая нужда! Ребята голодают, вот и вынесла на продажу...

Вскоре купец в долгополом платье приметил ковёр и, рассыпаясь в восторженных похвалах, стал показывать его англичанину. Пощупав его, он шепнул купцу несколько слов. Тот обратился к окружающим их людям:

– А где хозяин?

Ему указали на Сону. Наклонившись к ней, купец спросил с ласковой улыбкой, точно давний знакомый:

– Сколько просишь, сестра?

Сона смутилась. Она ещё в деревне думала посоветоваться, какую цену назначить за ковёр, но утром заторопилась и совсем забыла о своём намерении, схватила ковёр и пустилась в путь. Сама она не могла бы назвать цену этой вещи, потому что вещь не предназначалась для продажи, и цену её выразить в деньгах было очень трудно, а для неё и вовсе не возможно. Будь покупатель близким ей человеком, она сказала бы ему просто: «Возьми ковёр и дай мне немного муки и денег на избавление Мардана из тюрьмы».

Но сейчас надо назвать купцу определённую цену, потому что англичанин хотел купить, и цену обязательно в деньгах, потому что англичанин всё покупал на деньги. Всем своим поведением англичанин напоминал человека, нашего, наконец, то, что давно искал. Он поворачивал ковёр наизнанку, осматривал бахрому, щупал ворс, проверял краски, ковырял пальцем узлы. Люди с любопытством следили за ним. Толпа вокруг ковра увеличивалась – всем хотелось полюбоваться ковром, присутствовать при его продаже.

– Ему не верится, что это ручная работа! – сказал кто-то из толпы. – И как поверить? Редко попадают теперь такие ковры.

– Честь и слава пальцам, выткавшим его! – подхватил другой.

– Пальцы, пальцы! – вспомнил третий с горечью. – Вечно ноющие от работы мозолистые пальцы! А ты погляди-ка на этого молодца! – кивнул он в сторону чужестранца. – Он сцапает ковёр, словно коршун, и увезёт в свой Лондон.

Купец бросил на него свирепый взгляд. Из толпы любопытных послышался недовольный голос:

– Гляди, приятель уже роется в кармане.

– Братцы, – сказал какой-то крестьянин, – за этот товар никаких денег не жалко.

Купец стал торопить Сону с ответом:

– Сестра, скажи, наконец, цену. Мы покупаем ковёр.

Сона поглядела на купца и вздохнула. С трудом проглотив слюну, она отвела взгляд и задумалась. Казалось, она лишилась языка. Сона понимала всё значение этой минуты. Одно слово – и прощай навеки ковёр, прощай мечта, лелеянная годами. Не станет Юсифа и Зулейхи, потеряет она своё последнее утешение. Она чувствовала себя так,

как если бы стояла перед тяжёлой необходимостью продать бессмертную и чистую любовь. И не находила в себе сил назвать цену. В то же время нельзя было и молчать.

Англичанин волновался, он терял терпение.

Согнув голые красные колени, он снова присел на корточки, ещё раз тщательно исследовал кайму, узоры, ткань. Затем, поднявшись, он подержал ковёр перед собой, передал его купцу, чтобы тот развернул его и показал, как будет выглядеть ковёр, когда его повесят на стене.

Купец угодливо развернул ковёр во всю ширину. Англичанин посмотрел вблизи, потом отошёл и посмотрел издали, поглядел с боков, нагнулся и взглянул снизу. Не пытаясь скрыть радость, что-то сказал купцу, тот ответил с подобострастной улыбкой.

Никто не вмешивался в их разговор. Лишь из задних рядов один сказал громко, точно желая предупредить Сону:

– Они дадут любую цену!

Купец повернулся в ту сторону, откуда послышался голос, но ничего не сказал, чтобы не привлекать внимания Соны.

Подавляя в себе раздражение и гнев, купец обратился к толпе:

– Братья-мусульмане! Отойдите в сторону! В чём дело? Что тут, обезьяну показывают, что ли?

Молчать больше было нельзя. Ухватившись за угол ковра, Сона проговорила:

– Десять золотых!

Кто-то в толпе с досадой хлопнул себя по колену. Какой-то молодой рабочий громко ахнул и, сокрушённо качая головой, побрёл прочь. То ли он боялся вступить в драку с англичанином, то ли не желая видеть, как будут уносить Юсифа и Зулейху.

– Отдавайте, отдавайте! – с горечью повторил он. – Пускай увозят для своих любовниц! Пускай те, что выткали этот ковёр, валяются на голой земле!

Сона услышала сокрушённые слова рабочего, но делать было нечего. Одной рукой она держалась за уголок ковра, а в другую руку англичанин уже отсчитывал ей золотые из своего кошелька: раз, два, три...

Сона ощущала холодное прикосновение золотых, падающих на её ладонь, и неотрывно смотрела на окружавшую её толпу, которая явно ей сочувствовала, готовая разделить её горе. Слова молодого рабочего продолжали звучать в её ушах. И вдруг, словно неожиданный луч прояснил её сознание, она обрела способность размышлять:

«Почему это мы оказались недостойными

джейрана, который был пойман моим сыном? Почему меня лишают радости любоваться моим сыном? Почему меня лишают радости любоваться мною же вытканым ковром? Кто они, эти мистеры, где награбили они золото, которым платят? Откуда они? Где их страна? Почему всё лучшее, всё красивое должно доставаться им? Почему?..»

Эти мысли встали перед Соной во всей своей неумолимости, а перед глазами ожил вдруг далёкий, незнакомый большой город и дом в этом городе. Этот сероглазый англичанин с голыми коленями, напившись допьяна, лежит на кровати и с самодовольством разглядывает азербайджанский ковёр на стене. Разглядывает вытканые пальцами азербайджанские узоры... И на лице его появляется наглая усмешка.

Дрожь пробежала по телу Соны, нервы натянулись, как тугие струны. То ужасное, что она видела в воображении, вдруг продлилось наяву: перед нею живой англичанин, он смотрит на прекрасные узоры ковра, на неё, на её пальцы, создавшие эти узоры много лет назад, на её поруганное достоинство. Высокомерно смотрит он на азербайджанскую женщину, словно она с дней цветущей юности обязана была трудиться на него как рабыня.

Все обиды, перенесённые за долгую жизнь в нищете, вспыхнули ярким румянцем на её впалых щеках.

Она словно пробудилась ото сна. Взглянула на свой ковёр и вдруг увидела перед собой родную землю, её сады и пашни, её цветы и луга! По склонам горы рассыпались отары, и овцы, громко блея, смотрели на Сону. Пастухи и сторожа смотрели на Сону. Талантливые девушки, создавшие образцы искусства, и гордые сыновья родины смотрели на Сону. И во всех этих взглядах был один призыв, громкий, повелительный:

«Сона! Сона!»

Казалось, все они в этот момент ждали её решения, её движения, её слова.

Может ли она продать эту святыню?

Даже в пасмурном небе Сона угадывала недожество и осуждение.

Она повернулась к англичанину. Тот стоял, гордо выпятив грудь, и самодовольно ухмылялся. С его пальцев золото стекало, как кровь истерзанных им людей. Он казался Соне египетским тираном, поработившим прекраснейшего из прекрасных, самого чистого, самого целомудренного из смертных – Юсифа. «Что ты делаешь! Это не Египет, а Азербайджан, и с эпохи рабовладель-

чества прошли тысячи лет. И ты не Юсиф, а Сона, воспитавшая такого джигита, как Мардан! Что ты делаешь?»

Задыхаясь от гнева, Сона швырнула золото на-земь.

– Не продаю!

– Что? Как?

– Не продаю!

Собравшиеся обомлели от неожиданности.

– Если мало, бери пятнадцать!

– Не продаю!

– Пусть будет двадцать!

– Я лучше накроюсь им вместо одеяла!

– Ладно, вот тебе тридцать!

– Мне надеть нечего, я закутаюсь в него.

– Бери пятьдесят и в придачу платье!..

Чем больше суетился купец, тем мужественнее и упорнее отвечала Сона:

– Не продаю!

– Ну, возьми его! Понимаешь, сто золотых! Где наше не пропадало!

– Англичанину не продаю!

– Сестра, не англичанин покупает! Ты же видишь, это я покупаю, я сам, твой брат-мусульманин!

– Сказала – не продам, и кончено!

Сона стала торопливо свёртывать ковёр. Англичанин с удивлением следил за ней. Дуновение от ковра коснулось его лица. Поняв, в чём дело, он быстро задвигал челюстями, сыпля непонятными словами.

Купец перевёл:

– Слушай, что он говорит. Куда бы ты ни ушла, говорит, я все равно куплю его! И правда...

Сону прорвало.

– Собаке брошу, но чужаку не продам! – решительно сказала она, окинув купца и англичанина ненавидящим взглядом, и резко отвернулась.

Она заторопилась так, будто дома у неё масло в котле перекипало.

Вслед ей смотрели две пары алчно горевших глаз.

Сона шла, не оглядываясь, с высоко поднятой головой.

Сотни людей провожали её восторженными взглядами, в которых отражались одобрение и признательность.

– Молодчина женщина!

– Честь и слава такой женщине!

Сона опомнилась, когда прошла уже добрую половину пути и очутилась среди поля, ласкавшего взор изумрудом озими.

Туман рассеялся.

Перевод Азиза Шарифа

ЛИРИЧЕСКИЕ МИНИАТЮРЫ ЗАСТЕНЧИВЫЙ ФАИК

– Сегодня будем разбирать заявление Амикишиева. Если сможете, зайдите, пожалуйста. – Секретарь партийной организации университета смотрел на меня, ожидая ответа.

Я знал о заявлении Амикишиева и, хотя времени у меня было в обрез, пришёл. Когда секретарь прочёл заявление, один из членов бюро бросил с места:

– Эге-ге, стипендию просит... Да ведь его папаша – видный государственный деятель. Рублей четыреста – пятьсот получает. У нас ещё немало нуждающихся студентов... Если дадим стипендию Амикишиеву, нас просто засмеют.

Никто не ответил. Многие вспомнили, как Фаик Амикишиев подавал такое же заявление и в прошлом году. Ему отказали. Напрасно он сейчас повторил свою просьбу, вовсе это не располагало в его пользу. И Фаик чувствовал это. Когда декан вызвал его и стал задавать вопросы, он несколько минут переводил с одного члена бюро на другого умоляющие глаза и наконец, с трудом выговорил:

– Я очень прошу... если можно, ничего не решайте, не выслушав меня.

– Да что там слушать? Твоя просьба изложена в заявлении.

Фаик повернулся ко мне:

– Профессор, вы знаете меня лучше других, прошу: разрешите всё объяснить. Тут дело не только в стипендии.

В голосе его слышалась такая мольба, такая неподдельная боль, что я не мог не посочувствовать ему и незаметно подал знак секретарю: мол, пусть расскажет. Тот согласился:

– Ну что ж, дадим тебе возможность высказаться. Говори...

Я думал, Фаик обрадуется и тут же начнёт рассказывать, но он стоял молча, низко опустив голову. Декан повторил:

– Мы слушаем тебя, говори...

Его поддержали:

– Не стесняйся, Фаик!

– Расскажи, в чём дело.

Фаик медленно поднял глаза.

– Если б можно с глазу на глаз... если б можно было рассказать всё одному профессору... Вы не думайте, мне нечего бояться... Но я не могу при всех...

Я решил ещё раз выручить его:

– Позвольте поговорить мне с Фаиком наедине.

не. Думаю, это не займёт много времени. Вы пока решите другие вопросы, а потом я вернусь, и мы обсудим его заявление...

Мы вышли.

– Большое спасибо вам, профессор!

– Рассказывай, рассказывай, Фаик, не стесняйся, говори, что тебе надо. По мере возможности помогу.

Подавляя спазмы, сжимавшие ему горло, Фаик начал рассказывать мне свою грустную историю:

– Профессор, я знаю, стыдно говорить обо всём этом, но у меня нет другого выхода. Надо мной смеются, когда я прошу дать мне стипендию и место в общежитии. Люди удивляются: дескать, сын такой персоны взбесился... Знали бы они, что творится у нас дома!.. Да, да, профессор, мой папа – уважаемый деятель, это всем известно, но знаете ли вы, что он бросил мою мать, привёл в дом молодую... Я стараюсь не бывать дома, ухожу к товарищам, иногда даже у них остаюсь ночевать. Но сколько так может продолжаться? Это не жизнь. Хотел уйти из дома ещё в прошлом году, но стипендию не дали. Я понимаю, всем нельзя давать стипендию, но это моя последняя просьба: пусть университет не откажет мне в отцовской заботе. Раньше я мечтал об аспирантуре. Сейчас мне ничего не нужно: ни аспирантуры, ни лаборатории, ни кафедры. Я уеду, уеду далеко, на окраину, чтоб никогда не видеть отца...

Слова Фаика больно отзывались в моём сердце, я вспомнил, что мне кто-то рассказывал о похождениях пожилого Амикишиева, но я не придавал этому значения, и сейчас чувствовал себя виноватым.

– У тебя, кажется, есть брат?

– Да, ему четырнадцать, но Акиф решительнее меня: ушёл в ремесленное при заводе, там и живёт.

– Всё ясно, Фаик, – я положил ему руку на плечо. – Всё ясно. Ничего больше говорить не надо. Надеюсь, что завтра же ты будешь обеспечен и общежитием и стипендией. Не грусти, сынок.

Стипендию Фаику, конечно, дали, устроили в общежитие. Однако ещё долго у меня в душе оставался неприятный осадок.

Однажды, выйдя из аудитории, я заметил, что от дверей ректората ко мне спешит высокий мужчина в плаще. Ещё издали он протягивал руку... Осанка у него была величавая.

– Профессор, будем знакомы. Может быть, вы меня не знаете, но я знаю вас прекрасно. Вы – краса и гордость нашего университета, его опора!..

Мир Джалал (стоит слева) и его брат Мир Халил (в середине). 20-е годы прошлого века

У меня к вам небольшая просьба. Конечно, если разрешите. – Он выпалил все это единым духом, не выпуская моей руки. – У вас учится мой сын Фаик Амикишиев. Он в вас души не чает...

Мне хотелось резко повернуться и уйти, уйти, не сказав ни слова, но Амикишиев уже нагнулся к самому моему уху, таинственно зашептал:

– Некоторое время назад Фаик просил определить его в общежитие, а теперь я обращаюсь к вам, покорно прошу, чтобы его лишили места в общежитии. Пусть возвращается домой.

– А кто ему мешает вернуться домой? – с гневом спросил я.

– Мешать-то некому, но вы, учитель, любимый учитель, могли бы доказать ему, что он должен вернуться домой.

– А может быть, он не захочет?

– Если вы скажете, профессор, захочет. Не посмеет послушаться вас.

– Но ведь вы отец, поговорите с ним сами.

– Фаик немного обижен на меня, – смутившись, сказал Амикишиев. – Он ещё ребёнок, многого не понимает в жизни...

– По-видимому, вы его обидели?

– Нет, он просто меня не понимает. Да, я раз-

вёлся с его матерью, а с мачехой он никак не поладит. Ну, раза два я, как говорится, делал ему внушения.

– Значит, Фаику в общежитии удобнее, – заметил я твёрдо.

– Нет, Фаик должен вернуться домой, хотя бы на несколько месяцев. Помилуйте, ведь мне будет обидно, если сына моей жены впишут в домовую книгу, а моего родного сына – вычеркнут. Теперь вы понимаете, профессор, в чём дело? Хотя бы на время Фаик должен вернуться.

– А Акиф уже вернулся?

Амикишиев в растерянности попятился: уж этого вопроса он никак не ожидал.

– Нет... Акиф не может вернуться. Он... Его не отпускают из ремесленного. А вот Фаик может вернуться!

Вдруг меня словно осенило, и я понял, почему так суетится Амикишиев. Видимо, и с новой женой у него не всё ладно. «Любовь» остыла, а может быть, и вовсе погасла. Жена, наверное, требует раздела квартиры. А делить-то будут по количеству жильцов. Вот Амикишиеву и понадобились его дети, потому-то он и бежит то к Фаику, то к Акифу, стараясь, во что бы то ни стало сохранить

Аида Имангулиева, Ариф Пашаев, Мир Джалал Пашаев

квартиру. Чего доброго, и вправду разведётся, придётся привести домой ещё одну, помоложе. Не настал же конец света!.. Куда он её денет?

КАЗНАЧЕЙ

В бабушкиных сказках, каких я немало слушался в детстве, неизменно фигурировал казначей шахской казны. Если все слуги, соратники шаха отличались склонностью к стяжательству, а то и к прямому воровству, то казначей был украшен добродетелями, берёг шахские сокровища пуще зеницы ока, – ни лести, ни щедрая взятка не могли проложить путь к его неподкупному сердцу.

С той счастливой поры, как говорится, много воды утекло, бабушкины сказки забылись, а если я иногда и вспоминал их, то со снисходительно-иронической усмешкой.

Но однажды я, студент-первокурсник, пришёл в публичную библиотеку и в биобиблиографическом кабинете натолкнулся на старика, которого иначе как Казначеем и назвать нельзя. Он был высокий, худой, в поношенном, но изящно сшитом костюме, – было понятно, что одежде он не придаёт никакого значения. Толпа читателей окружала его. Какой-то студент или аспирант спросил о

необходимой ему книге, и старик, не задумываясь, сказал:

– Одиннадцатый сектор четвёртого зала, пятый шкаф, вторая полка снизу, книга в кожаном переплёте, редкая, берегите её!

Поначалу я часами рылся в картотеке, отыскивая нужные книги, записывая шифры, а затем, каюсь, обнаглел и шёл прямо к старику за справками.

Молодые, они всегда чуть-чуть эгоисты, может быть, и бессознательные.

Теперь-то я это понимаю!..

Старик с карандашом за ухом и с лупой в руке обычно изучал старинные книги, рукописные, потемневшие от времени фолианты; мне было неудобно отрывать его от дела, но я, конечно, отрывал, и он говорил со мною дружелюбно.

– А, молодой человек! Ну, говори, говори, что тебе сегодня понадобилось?

Книгу Казначей брал так осторожно, словно она была стеклянная и могла при падении разлететься мельчайшими брызгами.

– Нет у народа сокровища драгоценней, чем библиотека, – наставительно поучал он меня. – Сейчас ты этого, вероятно, не понимаешь, а вот постареешь – поймёшь!

Теперь я действительно это понял...

– В старину рукописи хранились в шахских дворцах, в мечетях, в храмах, – взволнованно продолжал старик, – а ныне богатства книжные принадлежат народу, одному народу! Люби книгу, береги книгу, молодой человек, будь верным её стражем!

Я восхищался энциклопедическими познаниями старика, его исключительной памятью. Книга была единственной страстью в его жизни.

Друзья мне завидовали: подружился, мол, с таким знатоком книги...

Но вот однажды мне не повезло, да ещё как не повезло! Прихожу в библиотеку, здороваюсь. Едва услышав мой голос, Казначей вскочил и так грозно посмотрел, будто хотел пронзить меня клинком взгляда.

– Что ты сказал? Опять за книгами? А совесть где твоя, недостойный?

Он осыпал меня горькими, резкими упрёками. В смущении я попятился, не понимая, что произошло, в чём же я провинился.

– Муаллим...

– Откуда берутся такие злодеи? Почему их не испепелила молния на пороге сокровищницы слова? Им место на базаре, в мелочной лавке, а не в храме мудрости!.. – Старик любил витиеватые обороты,

– Я не понимаю...

– Конечно, не понимаешь, – издевательски передразнил меня Казначей. – Варварство!.. Святотатство!

И распахнул передо мною книгу в сафьяновом переплёте, – одна страница была рывком, наискосок вырвана.

– Но это же не я! – воскликнул я с отчаянием. Вероятно, старик сразу же поверил, что я не осквернил книгу, но успокоиться уже не мог, потрясая руками, кричал:

– В старину злодею отрубили бы руку!.. Я состарился здесь, потерял здоровье, вся моя жизнь протекла в пыльных книгохранилищах. Я трясусь над каждой брошюрой, каждым листком!.. И для того лишь, чтоб вы, молодые, получили в неприкосновенности святое наследие былого. Но в храм книги проникают изверги! Подумай, он же учится, работает с книгой, он слывёт культурным человеком, а в это же время... Эх, попался бы мне этот злодей! Да я б его!.. Боже, не из книги, из души моей он вырвал кровотокающий кусок!

Казначей положил трясущуюся руку на сердце, побледнел; кто-то побежал за водою, я бережно усадил старика в кресло; читатели, сотрудники

библиотеки успокаивали его, возмущались вместе с ним, клялись, что выследят и накрепко расправятся с негодяем.

...Этот случай так потряс меня, что много дней я не находил себе места. Удалось бы мне обнаружить преступника, расквитался бы!.. Старик вспомнил, как в старину вору, покусившемуся на казну шаха, отрубили руку по локоть. Ну, пожалуй, такие жестокие казни в наше время неуместны, и, слава богу, что неуместны, но всё-таки...

Увы, преступника я не нашёл.

А вы его случайно не встречали?

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

В боях под Керчью я был тяжело ранен. Почти два с половиной месяца – семьдесят два дня пришлось проваляться в госпитале. Чего только со мною не делали: и резали, и штопали, и чинили! Наконец, я встал на ноги. Однако о возвращении на фронт и даже о продолжении тыловой службы в армии не могло быть и речи. Меня демобилизовали.

Вскоре после приезда домой мне предложили работу в одном институте. По правде говоря, я обрадовался. Во-первых, я и до войны работал в этом институте, прекрасно знал всех преподавателей; во-вторых, такая работа была мне по душе: я любил заниматься со студентами.

Однако теперь, в условиях войны, институт явился мне как бы в новом обличье. Стиль работы совершенно изменился. Лозунг партии: «Всё для фронта, всё для победы» – был священным, стал программой нашей работы, нашей жизни.

Естественно, что нам было уже не до классных журналов, не до выискивания ошибок в студенческих тетрадях. На это просто не хватало времени. Мы копали окопы, дежурили на крышах домов во время воздушных налётов, ездили на вокзал встречать эвакуированных. Мы проводили беседы, концерты, лекции в госпиталях, школах, домоуправлениях, прямо на вокзалах, в вагонах эшелонов, в аэропорту, в готовящихся к отлёту самолётах. А по вечерам занимались военным делом, чтобы в нужную минуту взять в руки оружие.

Многие из моих читателей, конечно, помнят, а те, кто помоложе, знают по рассказам, какие это были тяжёлые времена. Служащие получали пятьсот, а иждивенцы, так называли тех, кто не работал, всего триста граммов хлеба в день. Люди едва успевали получить паёк, как тут же съедали хлеб, запивая пустым чаем, и с нетерпением ждали

выдачи завтрашней нормы. Потеря хлебной карточки была трагедией.

Однажды я встретил старого друга.

– О-о, здравствуй! Как дела? Что слышно в институте? Как настроение?

– Э, – я махнул рукой, – дела как у всех, настроение такое же, а в институте... Сам понимаешь!..

Друг опустил голову, помолчал. Да и что он мог сказать? Так было везде. По всей стране. А во многих городах положение было куда тяжелее, чем у нас.

И вдруг в один прекрасный день директор института радостно сказал:

– Приятные новости! Решением правительства научным работникам назначены дополнительные нормы продовольствия, почти равные фронтовым.

В горькоме партии директору говорили: «Страна переживает тяжёлые, очень тяжёлые дни. И если партия и правительство в такое время находят нужным выделить большие продовольственные ресурсы учёным, то в первую очередь настоящим учёным. Будьте бдительны. Тщательно проверяйте все документы каждого работника. Случайные люди не должны извлечь выгоду из этого постановления. Чтоб ни один недостойный человек не мог погреть руки у этого большого пирога!»

В тот же вечер мы приступили к проверке личных дел всех сотрудников и составлению списков. Я знал всех, кто работал у нас в институте, – от профессоров до лаборантов. Некоторые были моими учителями, многих я учил сам. Так или иначе, работая здесь чуть ли не со дня основания института, я знал коллектив гораздо лучше, чем наш молодой секретарь месткома Алышан.

В те годы, чего уж там греха таить, бумагам, анкетам, удостоверениям, дипломам, характеристикам верили значительно больше, чем человеку. Бывало, на простой вопрос: «Что вы скажете о таком-то?» – руководитель учреждения, напуская на себя глубокомысленный вид, таинственно изрекал: «Проверим анкеты, тогда и посмотрим».

День ото дня умножались ряды железных шкафов, сейфов, угрюмые делопроизводители и работники отдела кадров охраняли их, словно укрепленную крепость.

Вот в таких-то условиях мы, копошась среди запylённых папок с полуистлевшими листками, должны были составить список учёных, достойных получать «усиленное дополнительное питание», как тогда называли продовольственный лимит.

Когда мы добрались до личного дела профессора Шекибейли, Алышан удивлённо поднял брови:

– А где документы старика? Кроме коротенькой автобиографии и копии приказа о зачислении на работу, ничего не вижу.

– Как ничего?

– Ничего! Ни одной справки!

– Не может быть!..

Мы пригласили делопроизводителя, секретаря. Тщетно. Спросили профессора. Он небрежно махнул рукой:

– А что там ещё должно быть? Никаких удостоверений я не храню. Зачем они мне? Самое главное – мои книги. Их я привёз, когда переезжал из Воронежа, а за документами я даже не пошёл в канцелярию.

Алышан возмущённо посмотрел на меня:

– Но как мы можем в такой ответственный список включать человека, у которого нет ни диплома, ни характеристики, ни послужного списка?

– Профессора Шекибейли я прекрасно знаю. Он работает здесь уже больше пятнадцати лет. Это крупнейший специалист.

– Товарищ декан, это, конечно, прекрасно, но документы нужны, документы!

Я не сдавался:

– Мы должны верить человеку!

Алышан отрицательно покачал головой и с иронической улыбкой возразил:

– Что ж, выходит, ради Шекибейли мы рискуем распрощаться с партийными билетами? «Крупнейший специалист»! Крупнейшими специалистами называют тех, у кого в кармане есть документ, которым камень перерубить можно. Я на такой риск не пойду.

– Но послушайте, Алышан, это наш старейший профессор, его все знают, – воскликнул я.

Алышан почему-то не отвечал мне прямо, а всё время обращался к ректору:

– Товарищ ректор, да что толку от этих знакомых, от свидетелей? Их к делу не подколешь. Нужны документы! Документы с печатью, со штампом, с подписью! В таком ответственном учреждении целых два часа нам читали лекцию, разъясняли, растолковывали, а мы... – Алышан перечеркнул карандашом фамилию Шекибейли. – Нет, как хотите, а я попадать под трибунал не согласен.

Я понимал, что просьбы ни к чему не приведут, взял личное дело профессора, ещё раз перелистал.

– Значит, этого мудрейшего учёного мы должны оставить на произвол судьбы?

– Не можем же мы состряпать для него какие-то документы!

– А что скажут люди?

– Если люди что-нибудь скажут, мы покажем им эту пустую папку. Человека, у которого личное дело в таком состоянии, не допустят не только в высшее учебное заведение, но и к водопроводной будке.

– Но это известный учёный!

– Нам не нужна известность! Нам нужны документы. Документы с печатью! Удостоверения. Раз их нет – грош цена профессору.

Слова Алышана, твёрдые и резкие, совсем обескуражили меня. Ректор отмалчивался...

Я понимал, что по инструкции, которую нам дали, к Алышану не придерёшься. Действия его абсолютно правильны. Но стоило мне подумать о судьбе Шекибейли, как я приходил в ужас. Неужто можно лишить его тех благ, которые государство выделило учёным?

Шекибейли и невдомёк, какую задачу он мне задал, как мучительно я ищу выход, чтобы сделать его жизнь более спокойной.

– Алышан, а может, посоветуемся?..

– Какие ещё советы? С кем? Где?

– Ну, там, наверно, в министерстве...

– Министерство прислало положение, там всё ясно сказано.

– Да нет... Я об этом старике. Напишем обо всём, запросим, что можно сделать в таком исключительном случае. Каждое правило имеет исключение, не правда ли?

Алышан отложил в сторону бумаги, закрыл папку.

– Ну что ж, не возражаю. Идея неплохая, давайте напишем, запросим. Посмотрим, что они скажут.

Я обрадовался, но тут же вдруг вспомнил совсем о другом обстоятельстве, о котором нельзя было говорить ни парторгу, ни ректору, ни Алышану. У меня было такое ощущение, будто, справившись с одной бедой, я попал в другую, ещё более страшную. Как говорится, из огня да в полымя.

А дело было вот в чём: много лет назад Шекибейли работал в Воронежском медицинском институте, не то деканом, не то заместителем директора – точно не помню. И там у него постоянно случались стычки с профессором Худаковым. Как-то раз Шекибейли выступил в печати, резко критиковал Худакова.

А теперь не кто иной, как именно этот профессор Худаков был заместителем министра. Нет сомнения, что он прекрасно помнит Шекибейли. И, наверное, когда мы пошлём запрос о старике, о его делах, Худаков не упустит случая отомстить ему. Кто знает, вдруг вместо того, чтобы помочь Шекибейли, я сделаю ещё хуже. Ведь одного слова заместителя министра достаточно, чтобы бедного старика выгнали. Я метался между двух огней. А Шекибейли, конечно, и в ус не дул. Ему в голову не могло прийти, что его личное дело, вернее, его личные дела, причиняют мне столько хлопот.

Прошло несколько дней, я всё не мог решиться написать в министерство. Однажды меня встретил в коридоре Алышан.

– Ну, что вам ответили из Москвы?

Я смущённо пожал плечами:

– Да всё как-то не успеваю написать...

Его вопрос словно подстегнул меня, – быстро прошёл к себе в кабинет, вызвал секретаря и продиктовал письмо.

Не помню точно, десять или пятнадцать дней прошло после нашего запроса в министерство, когда утром мне принесли объёмистый конверт с сургучными печатями.

Сердце моё ёкнуло. Не в силах совладать с охватившим меня волнением, я дрожащими руками вскрыл пакет. На бланке министерства, эвакуированного в какой-то из сибирских городов, было написано: «Большое спасибо, товарищи, за то, что вы сообщили нам о профессоре Шекибейли. Мы рады, что старейший профессор жив и здоров. Просим вас, берегите его, позаботьтесь о нём. У этого человека огромные заслуги перед отечественной наукой. Он имеет полное право на льготы, которые советское правительство предоставляет учёным».

Кроме этого письма, подписанного Худаковым, в конверт были вложены характеристика и дубликат диплома профессора Шекибейли.

С чувством радостного торжества в душе я показал Алышану письмо.

– Видишь, как отомстил своему «врагу» профессор Худаков. А ведь когда-то его уволили после критической статьи Шекибейли...

Алышан был вынужден хмыкнуть:

– Мир не без честных людей!

По его глазам не было заметно, что он верит в это.

Перевод Эльхана Ибрагимова